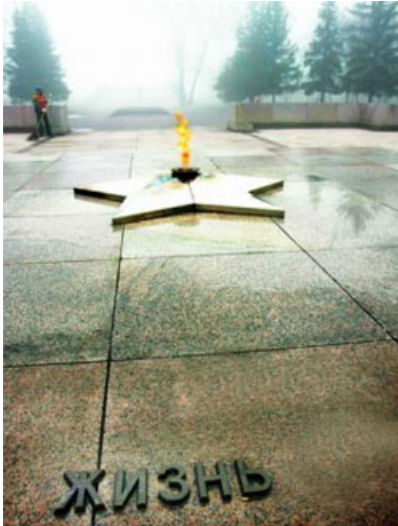

Живая память

«Смотри, война сто лет как закончилась, а он до сих пор живой!» – не удержался один иркутский школьник на встрече с ветеранами. Для четвероклассника война – это ровно две странички в учебнике истории.

Для одного из наших героев – Василия Дыгая, которому недавно исполнилось 90, – это сплошной туман от канонады на Таманском полуострове, это освобождение Кишинёва, Александрии, Краснодара. Это две Красные Звезды, два ордена Отечественной войны и медали «За отвагу» и «За боевые заслуги».

«На всю войну – два листочка»

Надо видеть, как человек с гордостью проговаривает каждое слово: «Сто десятая гвардейская стрелковая Александрийско-Хинганская дважды Краснознамённая ордена Суворова второй степени дивизия». Родная дивизия Василия Дыгая. Он уже был на фронте, когда дивизия ещё не была сформирована. Он видел, как она создавалась. Когда освобождали Александрию, дивизия стала Александрийской, когда форсировали Хинган – Хинганской. Он прожил с ней всю военную жизнь, а в мирное время стал главой совета ветеранов.

Дыгай ушёл на войну младшим лейтенантом. Он был среди тех, кто не пустил немцев к бакинской нефти. Там он и получил первую медаль «За отвагу». В 41-м и начале 42-го наград почти не давали: наши войска отступали. «Когда мы уходили, народ высыпал на улицы: «На кого ж вы нас кидаете, защитники Родины?». Кто плакал, кто матом крыл, – рассказывает он. – Было сильно стыдно в глаза смотреть. А мы разве виноваты? В нашей армии, извините, бардак был до середины сорок второго года. У фашистов – регулярные войска, которые два года шли по Европе. Мы не имели никакого опыта масштабных боевых операций. Уставы ещё с гражданской войны не менялись. Командиру предписывалось быть впереди. Как у Чапаева, когда в атаку с саблями и винтовками шли! А немцы против нас – с автоматами. Выкосило за первые месяцы многих офицеров, пока уставы не поменяли. Да много чего было в первый год... Техники не хватало, пока заводы в тыл не перебросили».

«Бои первые годы были страшные, – вспоминает Дыгай. – Брели мы в 42-м Таманский полуостров. Там сформировалась мощная группировка немцев, знаменитая «голубая линия». Как-то мне надо было из штаба батальона попасть в штаб дивизии. Я шёл в сплошном тумане. Тучи пыли стояли в воздухе, гарь, копоть! Рвали мы их зубами – а никак. На одну только сотку, по данным штаба дивизии, ушёл целый эшелон снарядов и бомб. Только встало солнышко – налетает армада. Сотни самолётов, бомбят всё сплошным ковром. И так до заката... Сидишь в траншее и гадаешь: попадёт или не попадёт... Тогда мы так Таманский и не взяли». Только через год «голубая линия» была прорвана. Дыгай до сих пор считает Красную Звезду за Таманский главной своей наградой.

Первые два года войны немец был наглый, напыщенный. «Возьмёшь языка – даже разговаривать не хочет», – рассказывает Дыгай. – Ну ещё бы: регулярные войска, элита. А когда мы им по мордам один раз надавали под Москвой, потом второй раз – в Сталинграде... Ой, там уже армия немецкая была не та! Старика, мальчишки пришли. Спеси никакой». За два года советские войска отучили немцев даже кушать по расписанию, смеётся Василий Дыгай. «Помню, случай был под Кишинёвом летом 44 года, – рассказывает он. – Месяц не могли прорвать оборону немцев. Нужен был пленный – изучить их систему обороны, вооружение, узнать слабые места. А к линии обороны не попасть – по полосе заграждений немцы навесили консервные банки. Тогда мы решили действовать нахально – брать его прямо днём. Наметили одну пулемётную точку. А фрицы очень пунктуальные были. Как только время завтрака или обеда – сразу прекращают огонь. Короче, утро ясное, немцы откушать собрались. Солнышко слепит им глаза. Трое наших парней молодых забросали точку гранатами. А следом сразу схватили одного – и назад. Немцы опомнились, когда мы его уже в свою траншею втащили. А там ни много ни мало – 120 метров! Рассказал всё как миленький. Разгромили мы их тогда».

Василий Дыгай прошёл по Румынии, Венгрии, Чехословакии. Закончил войну капитаном – под Прагой. Это уже после победы дивизию кинули на ликвидацию миллионной группировки немцев, которая рвалась в Альпы. А потом был 900-километровый марш-бросок от Чойбалсана до Мугдена. А тогда, 9 мая, слово «победа» за полчаса облетело всю дивизию. «Что было! Я не знаю, как это передать, – говорит Василий Дыгай. – Все стреляли в воздух. Кто что имел – из автоматов, винтовок. Боялись, что люди к зенитным орудиям доберутся. Такой стрельбы я даже на передовой не слышал. Поймите, многие не надеялись дожить до этого дня. Я видел нынешний школьный учебник истории. На всю войну – два листочка. Миллионы погибших, подвиг какой! И две странички. Глупо. Обидно».

«Маршал Конев – такой нормальный человек»

«Что

было! Я не знаю, как это передать!»

Все даты, цифры и другие детали войны Степан Карпов помнит отлично: «Иногда даже на кухню зайдёшь – забудешь зачем. А войну – каждый шаг помню». Говорит, и сейчас может назвать даже вес пушки и дальность выстрела. «Нас муштровали на артиллерийский смотр в Польше в 1944 году. На нём маршал Конев осматривал новые орудия. Они появились в ответ на «королевские тигры» немцев – огромные танки высотой по три метра, – рассказывает Степан Карпов. – Конев был там в окружении своей свиты. Я обратил внимание, что он такой нормальный человек. Маршал был в каракулевой шапке, коричневой кожанке с каракулевым воротником и кожаных штанах в цвет куртки».

Поляки хорошо встречали советских солдат: предлагали самогонку, но солдаты отказывались. «Сухого закона не было, но тогда даже молоком травились, поэтому не рисковали, – вспоминает Карпов. – Напиваться пьяными нам и комбат не разрешал». В Польшу Степан Карпов, солдат пушечно-артиллерийского полка третьей танковой армии, входившей в 1-й Украинский фронт, попал в сентябре 1944 года, после школы младших командиров в посёлке Мальта. «Нас там здорово гоняли. За два месяца потерял в весе 13 килограммов, и то потому, что я был парень деревенский, подготовленный физически. А некоторые до 15–18 килограммов сбросили», – вспоминает он. Потом, впрочем, сибиряков всё равно «чуть ли не с дракой» расхватали по полкам, считали их «золотым фондом армии». «Они сделали перелом в ходе войны. Из нашей деревни, где всего 75 домов было, 14 человек в Сталинграде воевали. Всего в армии побывало 138 жителей. Всех пофамильно помню», – говорит ветеран.

Ему повезло – в полк Карпов попал вместе со своим земляком и другом Николаем Колгановым. «С ним прошёл всю войну, из одного котелка всегда ели, – рассказывает он. – Как только кушать садимся, я ему сразу: «Ты руки мыл?» – и заставлял хотя бы снегом обтереть». А однажды в окружении немцев оказалась полевая кухня. Четыре дня полк сидел без еды: неприкосновенный запас быстро съели. «Когда кухню вернули с куском дерева вместо колеса, нам досталось по черпачку замёрзшей лапши, – улыбается ветеран. – Повар у нас хороший был, с Дальнего Востока. Матом не ругался, а приговаривал только «ёлочки зелёные» или что-нибудь такое. Награждён был знаком, отличный повар. Шибко гордился этим».

«Николай Колганов мне и жизнь спас», – говорит ветеран. Это случилось, пока советские и немецкие войска стояли на противоположных берегах реки Одер в Германии. Когда друзья пошли к своему орудью, находившемуся в огороде у одного из немцев, по ним дали огонь. Одна мина разорвалась на сарае, а другая – около Карпова. «Могло в капусту порубить. А так только оторвало ухо у шапки, разломало приклад автомата и три осколка попали в меня, – вспоминает он. – Коля положил меня в подвале, а часа через два прибегает и говорит, что мы отступаем, хватает за руку – и на улицу». Степану Карпову пришлось после ранения ещё три дня мотаться вместе со своим полком. Уверяет, что выжил благодаря старой закалке. «У нас прежние порядки даже в квартире, – улыбается ветеран и выдаёт специальные гостевые тапочки. – Вот, купил 37 размера, а

надевать сильно некому». Сейчас он живёт вместе с сыном, готовит и убирает для него. «Скучно на пенсии», – сетует ветеран, проработавший двадцать лет следователем по особо важным делам, наливает «фирменный» компот.

Нотная бумага

«Раньше каждые месяц–два снились реальные, страшные вещи. Будто я снова там, в Балте»

Бабах! Валька растянулась на земле. Но главное, главное! Визг рвущейся ткани. Она вскочила – точно! Единственное платье. Вместе с Валькой в семье семеро. Какие там платья. Валька кукол не видела никогда. Свернёт в шарик лоскут, нарисует глазки – голова, поярче тряпку присобачит – сарафан. Лялька. «А ну-ка пойдти сюда! Профурсетка!» – мать откуда ни возьмись. За шиворот. Руки красные. В 41-42-м, когда есть совсем нечего было, стирку домой брала. Радио слушает и плачет. И стирает. Потом, в 43-м, стало легче. Варвара «польта зимние дамские» стала шить. На барахолку носит. Вальке хорошо – она булки иногда ест. Мать к Торгсину пойдёт, у старателей муки купит. Тем за золото денег не давали, только продукты. Варвара булки – на базар, а Валька занырнёт в корзину... Мать как по рукам даст!

Варвара – мамка ушлая. Не у всех булки были. Вон Вовка Переломов, 14 лет. Идёт, нога тряпкой замотана. Утром бежал, как подстреленный, в ремеслуху. За пайкой. А на Подгорной мостки деревянные, скользкие. Упал, разорвал палец с мясом. Кровь ручьём, а бежать надо: не успеешь – пайку другому отдадут. Не успел. 400 граммов хлеба, вся еда на день. Брат Петруха свою пайку прячет, не поделится. Вовка на палец свой посмотрел, сел на землю, и слёзы льются сами по себе. Думает: «Вечером за Лисихинское кладбище надо идти. Там китайцы садоводства держат, картошки насобираю». Картошка – мёрзлая, гнилая. А жрать хочется. Мать без отца, на руках три пацана – с отчаянья бегала на поля, колоски собирала. Вовка с братом ели только на заводе – токарям на Куйбышевском пайку давали. За миномёты. Смена взрослая – двенадцать часов. Спать хочется страшно, шатает. Вовка домой не ходил – слабый был от голода. Отработает и в кучу стружки валится.

«Платье в клочки! – кричит мать на Вальку. – Кого вчера на рынке видели? Кто с корзиной ходил, людям говорил: «Я сиротка, дайте свёколки»? Позорница!». Валька поняла, что будет что-то ужасное. И от отчаянья как заорёт: «По Саломатовской мы шли, тротуары гнулись! С Саломатовской мальчишки нам начисто загнулись!». И давай вприсядку. Народ как засмеётся: «Артистка! Артистка!». А Валька правда артистка. Ей в школе и венчик украинский с лентами дали, и рубаху вышитую. В госпиталях, что в 26-й и 15-й школах, такого гопака давала, что раненные хохотали до слёз. Отпускать не хотели. А мать артистку за шиворот – и по заднице...

«У вас же дочка – талант!» – вдруг слышит. Офицер стоит, старший лейтенант. Мать чего-то улыбнулась и домой его позвала. Пели весь вечер – и офицер пел, и мать, и Валька. Лейтенант потом и говорит: «Я вашу Вальку выучу на музыкантку». И ушёл. Стояла его часть в Красных казармах. Вернулся через несколько дней. И отвёл девчонку в музыкальное училище на Степана Разина. Шли обратно по Карла Маркса, чудак этот купил билеты в кино, сладостей. Заглянули на барахолку на Иерусалимских-Советских. А там старик продаёт

настоящую нотную бумагу. Плотную, как картон, белую, какую Валька никогда в руках не держала. Старлей и бумаги купил. Валька мало что понимала от счастья. Офицер ничего не объяснял – ни кто он, ни откуда. Нагуляться с Валькой всё не мог. Тосковал. Через неделю снова пришёл. «Меня отправляют на фронт. Но я оставил в музыкальной школе карточку, плата за Валю будет идти», – сказал. И уехал. Плата шла несколько месяцев. А потом вдруг прекратилась. Денег у матери не было, и Вальку отчислили.

...Возле дома Вальки, на Первой Советской, висел на столбе старый репродуктор. Однажды он заговорил, и Валька помнит: вся Байкальская вдруг стала морем. Ой, что было! Люди забирались на дома, столбы... Играли гармошки, все танцевали, обнимались, целовали прохожих. Некоторые молча стояли и плакали. Победа. От того офицера не пришло ни одного письма до самого конца войны. В 1949-м Валюшка вышла замуж за Володю Переломова. Сегодня в Иркутске живут уже их правнуки. А вот выжил или погиб тот старлей, баба Валя так и не узнала.

Группа крови на рукаве

«Настоящие фронтовики – они не капризные»

«Рафа – она, бедненькая, звонила весь день. Милочка, проходите в комнату», – встречает Нина Петровна, жена военного врача Рафаила Медведева, и извиняется за беспорядок: супруги готовят квартиру к ремонту. Они вместе 63 года. На двоих им уже больше ста шестидесяти лет. Рафаил Медведев советуется с женой, какой эпизод войны лучше рассказать, а потом на протяжении всего рассказа они поправляют и дополняют друг друга, как будто прошли всё это вместе. После медицинского института и работы в кисловодском госпитале Рафаил Медведев попал в приёмно-сортировочное подразделение в части, которая участвовала в освобождении Восточной Европы. «Подразделение работало как приёмный покой в современных больницах. В 21 год я был там единственным врачом. К нам поступали свежие раненые и больные», – говорит Рафаил Медведев. «И шивые», – добавляет жена. «Да что ты, об этом писать неудобно, – возражает он. – Приходилось заниматься борьбой с шоком, переливать кровь, вводить сыворотки, в общем, готовить раненых к операции. Ужасная, крово-пролитная война была, словами не передать».

Рафаил Медведев и сам однажды чуть было не попал в число раненых или убитых. Его полк высадился в Югославии для расширения плацдарма, но там в атаку пошли немцы. По приказу начальника санитарной службы всей дивизии Медведев вместе с другими медработниками отправился на лодке на остров, где находились раненые. Вдруг начали пристреливать – взрывать со всех сторон. Врач хотел нырнуть, но усидел. Когда доплыли, то с помощью сербов переправили раненых с острова. Медведева и двух его фельдшеров после наградили орденом Красной Звезды. «Мне эпизод запомнился, потому что я рос на Кавказе, где не было рек, и не умел плавать. Если бы нырнул тогда с испуга, утонул бы», – вспоминает он.

«Расскажи, как лагерь военнопленных освободили», – подсказывает супруга. «Да это уже в Австрии было, в

самом конце войны. Сто тысяч военнопленных, из них семьдесят тысяч – русскоязычные люди, – подхватывает Рафаил Медведев. – Вот сейчас критикуют советские лагеря, ГУЛАГ например. Но он в сравнение не идёт с тем, что мы видели там. Это были ходячие кости, чёрные трупы, у них от голода развилась страшная дистрофия. Сто тысяч народу ведь надо было кормить». Но лечить никого из освобождённых пленных Медведеву не довелось: его часть пошла дальше, а с пленными работали уже другие медики.

Нина Петровна смотрит по сторонам – ищет китель с наградами мужа. Он делает знак – мол, не надо, – и говорит, что с ней он познакомился уже в Черемхове, где работал в санчасти лагеря для японских военнопленных. «Они себя прилично вели, хорошо работали – выполняли план и всё вежливо приветствовали нас». С пленными он приехал в Иркутскую область уже после русско-японской войны 1945 года. Военных направили на Восток сразу после капитуляции Германии. «Просто переставили поезд, следовавший на Украину, после Красной Пресни на маршрут Москва – Владивосток», – говорит он и показывает фото, сделанное тогда в дороге. В пути ему пришлось пробыть ещё долгий период жизни. После Черемхова он уже вместе с супругой работал в больницах на севере региона. Обосновалась семья в Иркутске. Фотографии троих детей четы Медведевых, внуков и правнука развешаны на стене. «Наша внучка в Германии сейчас учится, в Мюнхенском университете. Сама выиграла право на обучение и стипендию», – рассказывают с радостью супруги. Они поддерживают её выбор – война же давно закончилась.

«Боже, сохрани мне моего Шурика»

«Только лет десять назад у меня прекратились сны о гетто, – говорит Александр Табачник. – А раньше каждые месяц-два снились реальные, страшные вещи. Как будто я снова там, в Балте». «Балта – город в Одесской области, – гласит «Википедия». – В начале 20 века большинство населения – евреи». Саша Табачник – представитель этого «большинства». Ему было шесть, когда забрали по доносу отца. Восемь – когда расстреляли мать, поехавшую «добиваться правды» в Москву. Десять – когда началась война.

Через полтора-два месяца немцы уже были под Балтой. Люди бежали. На тележках, со скарбом, в одиночку, с детьми шли по страшной жаре по дороге. Вместе с отступающей армией. «Вдруг налетели «мессершмитты», мы все кинулись врассыпную, падали в пшеницу. Когда налёт стих, половина уже не встала, – рассказывает Александр Табачник. – С нами шли два пограничника. И моя двоюродная бабушка спросила: «Как же так, сыны, как вы нас немцу отдали?». У мужика выступили слёзы, он лёг на спину и начал отчаянно, бессмысленно палить из винтовки по мессерам».

На рассвете их взял конвой. Вместе с сотнями других евреев пригнали назад в Балту. Тысячи человек оказались на огромном пустыре 300 на 300 метров, огороженном колючей проволокой. Несколько дней люди ничего не ели и не пили, ходили прямо под себя. На жаре стояло жуткое зловоние, трупы никто не убирал. Тех, кто выжил, отправили в гетто. «Самое сильное воспоминание – это страх, жуткий, постоянный страх. Почти каждую ночь ходили патрули, били прикладами в дверь, устраивали обыски. Тётя молилась Богу всё время: «Боже, сохрани мне моего Шурика!». Ели картофельные очистки и отруби, тайно мотались в свободную зону, чтобы попросить еды, а чаще – просто украсть у крестьян на рынке. Однажды Сашку поймали. Патруль, четверо румын, долго бил его коваными сапогами. Как вернулся в гетто – не помнит.

Самое страшное произошло в январе 42 года. «Эта картина у меня до сих пор в мозгу, как фотография», – говорит Александр Табачник. Он прятался на чердаке дома напротив своей мазанки. И видел, как немецкие патрули выволакивали из домов полуодетых людей. Колонна в несколько тысяч человек растянулась на километр до самого конца гетто, стоял плач – прошёл час и люди начали замерзать. Если кто-то пытался выбежать, его травили собаками или убивали. Людям объявили, что их переселяют в другое место. Пешком по морозу заставили идти 10 км в село Перелёты. «Дальше я не мог видеть, мне всё рассказал друг семьи часовой мастер Аарон», – говорит Александр Табачник. Аарон служил в команде «копальщиков», которые рыли большие братские могилы. Вся дорога до Перелётов была усеяна трупами – падали женщины и дети. Тех, кто сумел сам дойти, выстроили на краю рва и расстреляли из автоматов.

«Дышать стало легче после Сталинграда», – говорит Табачник. Но настоящий страх фашисты почувствовали в 44-м. И заматались, как собаки. Под Балтой шли уже бои, а по городу шла зондеркоманда. Методично извлекала людей из погребов, чердаков и расстреливала. Саша спрятался у тёти в больнице. Когда немцы бежали, он вышел на улицу. «Было страшно... Сотни трупов. Я искал своего друга, мальчика. Еврейского румына. В его доме никого не было. Тогда я открыл дверь туалета. А он там сидит... Голова прострелена». В 1941 году в гетто Балты было согнано 25–30 тысяч человек. В марте 1944-го осталось не более пятисот.

«С такого по такой-то год пребывал на оккупированной территории» – это звучало как приговор. Понятия «малолетние узники фашизма» в СССР не существовало. Им не давали льгот, не награждали. Даже открытки

к 9 Мая не присылали. Ничего. Только в 1993 году по указу Бориса Ельцина эти люди были приравнены к ветеранам по всем льготам, кроме выдачи машин инвалидам и пенсий. Табачник грустно теревит книжку. Его годами называли «троцкистом». Пришлось забыть о мечте стать авиационным конструктором – с «пятым пунктом» не брали в московский институт. Александр вернулся в Одессу, окончил технологический институт. И в 1955 году, когда началась хрущёвская кампания по освоению целинных земель, приехал в Сибирь. В Иркутске женился, родились дети. Он работал в нескольких проектных институтах. А сейчас пишет книги. О промышленном освоении Сибири. И о войне. Правда, сам говорит: вспоминать тяжко.

29 апреля у Александра Давыдовича родилась четвёртая правнучка. В Канаде. Имени у неё пока нет. Но зато малышка уже получила варежки, чепчик и распашонку. Прадед боится одного. Уйдут «дети войны», и ей никто уже не сможет объяснить, что такое фашизм. «Это самое худшее, что могло придумать человечество после инквизиции, – убеждён он. – И мне страшно, когда страна, победившая фашизм, вырачивает новых русских нацистов».

Вечная молодость

На Курской дуге шли бои, гремела артиллерия, а вокруг горели деревья и воздух пропах гарью. 21-летней Людмиле Осиповой, фельдшеру из санроты 13-й армии генерала Пухова, принесли раненую девушку. «Маленькая, красивая евреечка, полковая связист-ка. Она тянула связь – громадную катушку, а на катушке провод. Связь прервалась, чего нельзя было допускать. Поэтому провод она держала в зубах. В это время летела мина. Но девочка не отпустила провод. Я подбежала, но перевязывать там было нечего, все кишки наружу. Я за пульс – пульс ещё бился. Она вся серая лежит, глаза открыла. Говорю: «Как тебя зовут?» – «Ада. Из Москвы». И умерла. На моих руках. Девочка, которой 18 лет было. Этого я никогда не забуду».

Людмила Васильевна Осипова оказалась на войне в 19 лет, пошла добровольцем. До этого училась в Ленинградском медицинском институте, её определили в санроту. Она прошла практически всю войну – Москву, Киев, Прагу, Берлин, Дрезден. «Под конец войны попала в разведку, но пробыла там только полтора месяца. Один раз участвовала в разведке боем – орден Красной Звезды я именно за неё получила».

Война определила судьбу Людмилы Осиповой. Со своим будущим мужем она познакомилась во время перевязки. «В 1941 году 11 октября под Москвой прошёл бой, привезённых раненых уложили прямо на платформах. Вижу, какой-то старик лежит, старший лейтенант. Подхожу к нему: «Ну-ка давай перевязываться». А я видная была, косы тогда носила. Утром он, понимаете, где-то побрился – и оказался вовсе не стариком. Уезжая, передал мне записку: «Люда, если буду жив – найду».

Нашёл. В 1946-м Людмила Осипова доучивалась в медицинском институте, который не закончила из-за войны, и в один из дней к ней прибежала подружка со словами: «Там тебя какой-то майор спрашивает...». «Через два дня мы с ним расписались, совсем не зная друг друга, – рассказывает Людмила Васильевна. – И прожили вместе 40 лет. Я потом его спрашивала: а что было бы, если б я тебе не понравилась? Ведь мы не виделись пять лет, а на войне даже не целовались – где целоваться-то, когда я раненых принимала круглые сутки! А он отвечает: «А я бы соврал тогда, что в командировку!».

Война ещё долго давала о себе знать. В 1947-м мужа Людмилы Осиповой Валерия послали на разминирование Ленинградской и Псковской областей. Она поехала с ним – «мы молодожёны были, как не поехать». В дивизии Валерия Осипова в то, уже мирное, время погибло две тысячи бойцов. «Территории были так заминированы, что только оступись, идя по тропке, – сразу взрыв», – рассказывает Людмила Васильевна. Говоря о послевоенных тяготах, она вспоминает и радости. «Как-то мы с мужем встретились в Ленинграде с приятелем-фронтовиком и его подругой, – говорит Людмила Осипова. – На последнюю мелочь купили хлеба, картошки, наелись – и на танцы пошли. И ничего больше не надо было. Вот что значит молодость».

После войны она пережила три инфаркта, но до сих пор держится молодцом: общается от имени ветеранов с властными структурами. «Я крепкая, я вылезаю, так как медичка, – улыбается она. И добавляет: – Я оптимист, а не нытик. Настоящие фронтовики – они не капризные».

Юлия Сергеева,
Екатерина Арбузова,
Ксения Докукина

Фото: Дмитрий Дмитриев, Николай Бриль

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krsyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)